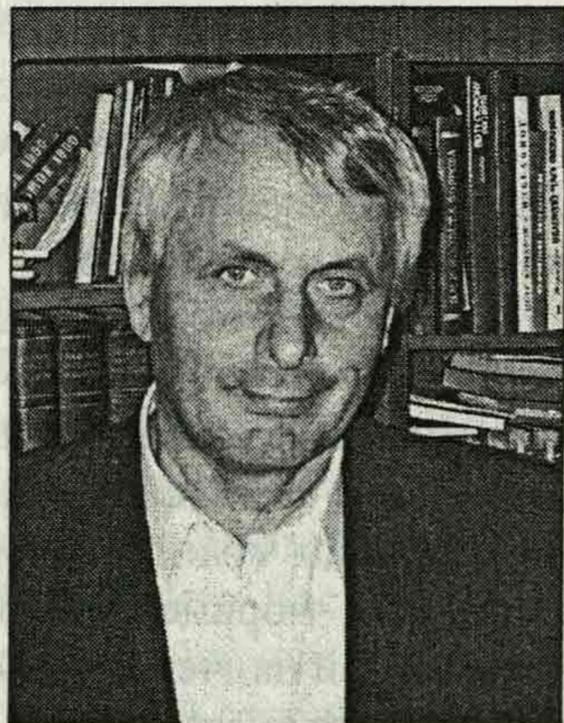

Григорий Шумейко

Григорий Павлович Шумейко родился в 1949 году в селе Мезин Черниговской области УССР. Образование среднее специальное — ткач. Работал на многочисленных стройках Советского Союза. Член Союза писателей России, поэт, бард. Автор девятнадцати книг стихотворений и песен. Лауреат литературной премии имени Петра Комарова. Живёт в городе Свободном.

«И на том берегу, и на этом...»

КОГДА-НИБУДЬ

Жизнь, как маятник, качается:
День — туда, а два — сюда.
Всё когда-нибудь кончается
И уходит в никуда.

Отболит и отоснится ли
Высота, что не взята?
Всё обставлено границами,
А за ними пустота.

Жизнь всегда и всюду пленница,
У судьбы мы на кону.
Всё когда-нибудь изменится,
Несмотря на глубину

Всех привычек предсказуемых
И желаний, что не счесть.
От тоски и до безумия
Промежуток света есть.

Стоит ли теперь печалиться,
Что пустились вскачь года?
Всё когда-нибудь кончается
И уходит в никуда.

ГОРОД В ОБЛАКАХ

Одним дано искать свой род в веках,
Иные ж ищут клады в чистом виде.
А я искал свой город в облаках,
Но так и не нашёл, и не увидел.

Вокруг полно запретов и границ.
Судьба моя — как рваные аккорды.
Я так хотел подняться выше птиц,
Но всё же не сумел, как ни прискорбно.

Тот город-сад, пусть он не величав,
Зато над ним все радуги играют.
Он до сих пор мне снится по ночам,
И я, проснувшись, слёзы вытираю.

Видать, джек-пот уже я не сорву.
У жизни схем, увы, нет идеальных.
Но я всегда завидую тому,
Кто в поисках того, что нереально.

Атланты небо держат на руках,
За эту быль Всевышний не в обиде.
А я искал свой город в облаках,
Но так и не нашёл и не увидел.

ХОЧУ СЕЙЧАС

Свела с ума эпоха потребления
Всех тех, кому чуть больше семи лет.
«Хочу сейчас!» — трезвонит поколение,
Которое не знает слова «нет».

Купи и выложи, что ему хочется
И что ему реклама принесла.
А если нет, то слёзы одиночества
Настроят чадо на недобрые дела.

«Хочу — и всё!» Хоть ближних обворовывай,
Хоть влезь в долги и десять лет страдай.
И до чего же жизнь у нас суровая,
Коль с детских лет в почёте слово «дай»!

МАГИЯ СЛОВ

Всё относительно, всё хлам и суета,
Но всё же есть счастливые моменты.
Когда с годами улетает красота,
Любая женщина цветёт от комплиментов.

Её душа безропотно летит
Куда-то вдаль, где вечно солнце светит.
Любая ложь вдруг обретает позитив,
Лишь надо только вовремя подметить.

«Ты посвежела! Ты — как никогда!
Ты — на все сто! Ты мне — императрица!» —
Вмиг улетят за горизонт года,
И грусть в глазах мгновенно растворится.

Всего лишь надо сделать только шаг
И на слова не поднимать расценки.
Чем чаще вторить: «О, как ты хороша!»,
Тем слаще жизнь и все её оттенки.

МИМО ПРОХОДЯ

Порою, утешенья не найдя,
Бегу я прочь от жизни монотонной.
И как-то раз я, парком проходя,
Увидел двух воркующих влюблённых.

Она — в годах, ему — больше того,
Но как они умели улыбаться!
И так она смотрела на него,
Что мне казалось, будто им — по двадцать.

Она ему твердила: «Милый мой!
Ты помнишь эти старые качели?»
А он, в былое прыгнув с головой,
Согласен был на всё без отречений.

«Я ж помню, как ухаживать ты стал, —
Она сказала, руку его грея, —
И как ты мне Есенина читал
Под вечер у сиреневой аллеи».

Она всё вспоминала, он шутил,
И было им обоим интересно.

Она была тиха, он не строптив,
И вот теперь они седеют вместе.

Завидуя, я к выходу пошёл,
Как будто свежим ветром опалённый.
Мне думалось: «О, как же хорошо
И в эти годы быть всегда влюблённым!»

ПОВЕРЬ, ЛЮБИМАЯ

Всё чаще я грущу и думаю о Боге,
Хотя есть впереди серьёзные дела.
Советы, как мне жить, теперь мне не помогут,
Мне поздно горевать и бить в колокола.

Запрыгнуть в свой вагон уже я не успею,
И поздно мне теперь стучать в чужую дверь.
А сам я не хочу туда, где потеплее.
Любимая моя, прошу тебя, поверь.

А годы всё летят, а время всё дороже.
Развеять бы печаль, но я не знаю как.
Советы от друзей на здравицы похожи,
Упрёки от врагов — сползание во мрак.

Я не люблю слова «пусть неудачник плачет!»,
Не всем дано летать и каждый день цвести,
А сам я не хочу туда, где всё иначе.
Любимая моя, за глупый нрав прости.

Я многим вопреки всегда шагал не в ногу
И, видно, стал другим, уставши от потерь.
Советы, как мне жить, теперь мне не помогут.
Любимая моя, прошу тебя, поверь.

ТУПИК

Нам хоть бы что, зато живём балдея,
Не видя в нашем обществе изъян.
«Урвать!» — национальная идея,
Сегодня главный лозунг россиян.

От дворника до сытого министра,
Всем наплевать на совесть и забыть.

Но для костра достаточно лишь искры,
А там — пылай и плавься, так и быть!

Не страшно ли, что верить перестали
Друг другу мы, валяя дурака?
Но разве мы об этом все мечтали,
Но разве это путь из тупика?

НИ ПРИКАЗОМ, НИ МОЛИТВОЙ

Дышать страной и веру не убить,
Наверно, надо, но бунтует разум.
Нельзя заставить родину любить
Ни гневом, ни молитвой, ни приказом.

Что происходит? Где найти ответ?
Кого мы слышим? Дьявола иль Бога?
Где тот в тоннеле каменном просвет,
Который вдруг укажет нам дорогу?

Нас научились мутью отвлекать.
Сейчас в цене все рыцари подлога.
А может, надо в Лондоне искать
Тех, кто России должен очень много.

Всех доконал вождей авантюризм,
В своей стране давно мы иностранцы.
И если строим мы капитализм,
То почему живём, как африканцы?

В который раз куда-то нас несёт.
Темным-темно, мы — в зоне дикой тряски.
И то, что всё изменится вот-вот,
«Не верим», — как твердил наш Станиславский.

Ждать просветленья — бред и ерунда,
Пока ворьё над нами стаей кружит.
Любовь к Отчизне вызреет тогда,
Когда народ поймёт, что ей он нужен.

Если молчать, то будем так и жить
Средь трескотни и прочих безобразий.
Нельзя заставить родину любить
Ни гневом, ни молитвой, ни приказом.

ТРОПОЙ ЗАЛЕДЕНЕЛОЙ

Когда я слышу: «Хватит! Помолчи!»,
Я не молчу, я повторяю смело:
«Москва сгорела от копеечной свечи,
А вот Россия полыхнёт от беспредела».

От этих мыслей налетает грусть,
Готов уснуть я, чтобы не проснуться.
И видит Бог, я этого боюсь,
Мне так охота в этом обмануться.

В чём провинилась снежная страна?
Куда идти? Во мрак, а то далече?
Так ненадёжна нынче тишина,
И так позорны доброхотов речи.

А если вдруг дойдём мы до нуля
И кровь фонтаном где-то вдруг да брызнет,
Те побегут, как крысы с корабля,
Кто, хохоча, обкрадывал Отчизну.

То ль лицедеи, то ли хохмачи
Ведут нас в ад тропой заледенелой.
Москва сгорела от копеечной свечи,
А вот Россия полыхнёт от беспредела.

ВСЁ МОЖЕТ БЫТЬ

Когда улетучатся все идеалы
И мы оторвёмся от тверди земной,
Любой, кто дойдёт пешком до вокзала,
Он тут же покинет наш город родной.

Когда вдруг Москва пошлёт всех нас к чёрту
И сладких речей наедемся мы впрок,
Любой, кто доедет до аэропорта,
Он тут же покинет наш Дальний Восток.

Когда одичает край вольный, красивый,
Тогда из Пекина приедет к нам босс.
А как же Москва? А как же Россия?
Никто не ответит на этот вопрос.

ГЛУПЫЕ МЫСЛИ, НО...

То рыбалка до слёз, то кровать,
А то пьянка — сплошные растраты.
Научите меня воровать,
Так охота пожить мне богато.

Я привыкну к такой новизне
И освою процессы растленья.
Так охота прилипнуть к казне,
Пусть не города, пусть поселенья.

Господь не видит, а то спит,
А ненасытным сносит башни.
Страну от хищников тошнит,
Но почему-то мне не страшно.

Аморальным я стать не боюсь,
Казнокраду нельзя без отваги.
Я и в партию ту запишусь,
Где по этому делу все маги.

То, что пьющий, совсем не беда,
Там немало с такими грехами.
Только кто ж меня пустит туда,
Где наличность лежит ворохами?

Так охота жар-птицу поймать
И прочувствовать прелести злата.
Научите меня воровать,
Вот тогда заживу я богато.

И НА ТОМ БЕРЕГУ, И НА ЭТОМ

Я смотрел свысока на таёжный простор,
На крутом берегу ветер утренний слушал.
За рекою горел одинокий костёр,
И там кто-то, как я, успокаивал душу.

Видно, тоже хотел сам себя обмануть,
Убежать от тревог и за летом угнаться.
И летели дрова в ало-сизую муть,
И с капризной судьбой не хотелось мне драться.

Шёл в атаку рассвет, стыли травы в росе,
Звал к себе пережат за излучиной где-то.

И стучало в висках: «Одиноки мы все
И на том берегу, и, конечно, на этом».

Что уютно мне так — необузданный вздор,
Несговорчивый мир все надежды мне рушил.
За рекою горел одинокий костёр,
И там кто-то, как я, успокаивал душу.

ЭТО ЛЮБОВЬ

Она тихонько босиком
В твою судьбу войдёт мгновенно.
Любовь не может быть грехом,
Она всегда благословенна.
Не утопить её в слезах,
Не растворить её в тревогах,
И разменять её нельзя,
Она с небес, она от Бога.

Лишь ей известны те слова,
Чтоб озарить того, кто рядом.
Она во всём всегда права,
Она и боль, но и награда.
То — лёд, то — талая вода,
То край земли, то — неба выше.
Любовь не смотрит на года,
Она их вроде бы не слышит.

Для тех, кто с нею был знаком,
Она — огонь, она нетленна.
Любовь не может быть грехом,
Она всегда благословенна.